

РАЗВЕДКА

41ГО

**АЛЕКСАНДР
ТАМОНИКОВ**

**УЛИЦА
ЦВЕТА КРОВИ**

МОСКВА

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Т17

Тамоников, Александр Александрович.

Т17 Улица цвета крови / Александр Тамоников. — Москва : Эксмо, 2025. — 320 с. — (Фронтовая разведка 41-го. Боевая проза Тамоникова).

ISBN 978-5-04-226080-3

1944 год. Во Львове вместе с фашистами хозяйничают поляки из Армии Крайовы. Польское правительство в изгнании направляет коменданту Львовского округа письмо, в котором сообщает о готовящейся военной операции «Буря», призванной не допустить советского влияния на той части Польши, которая отошла СССР. Советское командование поручает капитану Глебу Шубину во главе группы разведчиков пробраться в оккупированный Львов и любой ценой добыть это письмо. Шубину не впервой отправляться на опасные задания. Но как проникнуть в кишасший врагами город и не попасться в лапы гестапо? Фронтовой опыт подсказывает капитану очень необычную уловку...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-226080-3

© Тамоников А.А., 2025
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2025

ГЛАВА ПЕРВАЯ

— Шубина к командующему! — в блиндажную землянку разведчиков заглянул лейтенант Лелюшин и тут же скрылся.

Глеб, который только что проснулся после более чем суточного сна, соскочил с лежака и, взглянув из землянки, окликнул бойца, которого увидел неподалеку:

— Егор!

Боец, уже пожилой мужчина, с лицом смуглым и заросшим жесткой щетиной, оглянулся и, всплеснув руками, широко и радушно улыбнулся.

— Ну вот, наконец товарищ капитан проснулся. А мы уж думали с ребятами, что вы еще одни сутки проспите. Оно, конечно, понятное дело, — тараторил он радостно, подходя ближе к Глебу, — после того как неделю толком не поспишь, то...

— Хватит тебе, Малкин, причитать, — не удержался от улыбки и Шубин. — Лучше посмотри, вода в рукомойнике есть? Если нет, то, будь добр,

принеси. Мне бы умыться. Лелюшин к Соколовскому вызывает.

Шубин вышел из землянки и прищурился на яркий солнечный свет. Где-то далеко гремело, но над леском, в котором стояла конно-механизированная группа полковника Соколовского, не было видно ни тучки, ни облачка.

— Выспался?

К Шубину быстрым шагом подошел старший лейтенант Александр Котин, с которым Глеб уже успел подружиться за эти полторы недели, которые он пребывал в конно-механизированной группе гвардии полковника Соколовского. Вернее, не столько пребывал в этой части, сколько отсутствовал.

Так уж получилось, что по чистой случайности Шубин, который ехал в расположение своего нового места службы, стал свидетелем воздушного боя между тремя немецкими самолетами и одним нашим «Пе-2». Наш самолет, возвращавшийся после проведения воздушной разведки, был сбит, и Глеб наблюдал, как спасся один из членов летного экипажа, спрыгнув на парашюте.

Казалось бы, не такая уж и большая случайность — наблюдать во время войны воздушный бой. Такие бои Глебу за три года пришлось наблюдать не один раз. И не один раз ему приходилось видеть, как сбивали наши самолеты и как выпрыгивали из горящих машин летчики на парашютах.

И все эти многие разы Шубин был лишь сторонним наблюдателем разыгрывавшейся в небе трагедии. Но не в этот раз.

У летчика были важные для советского командования сведения о расположении укрепрайона противника, и Шубину поручили найти спасшегося пилота. Тот неудачно приземлился на территории врага, и было непонятно, жив он или нет. Необходимо было его разыскать и доставить и его самого, и документы, которые будут при нем, в штаб полка. А заодно и установить связь с одним из партизанских отрядов, который находился, по данным разведки, как раз в квадрате приземления летчика.

Едва Глеб успел выполнить это задание, как ему сразу же пришлось отправляться на выполнение следующего задания. На этот раз ему и его группе совместно с партизанами необходимо было за четыре дня провести сразу три операции: сначала взорвать железнодорожный мост неподалеку от города Броды, установить точное расположение частей националистической дивизии СС «Галичина» и захватить в плен важного «языка» — штабного генерала Фрица Золенберга.

И снова Шубин отправился в тыл к врагу, и снова ему не пришлось спать несколько дней, потому как именно от него как от командира зависело, выполнит ли его группа боевую задачу. И это была не какая-то рядовая задача, а, можно сказать,

задача повышенной ответственности. Именно от него, Шубина, и от таких как он разведчиков во многом зависело удачное наступление наших войск на Львовско-Сандомирском направлении.

Вот так и получилось, что, вернувшись, Глеб проспал целые сутки. А когда проснулся...

— Глеб! Наступление началось! — сообщил ему Котин.

— Когда?

— Сегодня ночью.

Они торопливо поздоровались за руку, и Глеб направился к висевшему на одном из деревьев ручкомойнику, но вдруг остановился. До него наконец дошло, что гром, который он услышал, когда вышел из землянки, ни на миг не прекращался и все грохотал и грохотал где-то в отдалении. Глеб мотнул головой и усмехнулся. Сон совершенно выбил из головы мысли о том, что вот-вот должно начаться наступление. За несколько дней он уже в какой-то мере привык к тому, что их артиллерия или молчит, или только огрызается, бухая отдельными выстрелами в сторону противника. А вот теперь, когда она ведет непрерывный и ровный обстрел, ему отчего-то показалось, что это гремит далекий грозовой раскат.

— Не знаешь, зачем меня вызывают? — умываясь, спросил Глеб у стоявшего возле него Котина.

Тот какое-то время молчал, но потом все-таки ответил, хотя и нехотя.

— Знаю. Потому и пришел к тебе.

— Новое задание? Вдвоем пойдем? — отфыркиваясь от потока воды, которую лил на него Егор Малкин из ковша, нетерпеливо спросил Глеб.

— Переводят тебя от нас, — хмуро сказал Котин.

Шубин выпрямился и вопросительно посмотрел на боевого товарища.

— Что значит переводят? Я ведь только что, можно сказать, к вам прибыл.

Котин пожал плечами.

— За тобой прислали из 56-й танковой бригады. Привезли соответствующий приказ командующего 3-й гвардейской армией Рыбалко. На Львовское направление тебя забирают.

— Вот ведь дьявол! — чертыхнулся Шубин и стал вытираться поданным ему Малкиным полотенцем. — Мне, конечно, все равно, на каком направлении Родине служить, но что-то уж часто меня перекидывают с одного места на другое.

Глеб покачал головой, с некоторой досадой думая о том, что опять ему придется покидать тех, кто стал ему за эти несколько дней близок и дорог. На войне не только каждый день ценен, но и каждый час, ведь никто на войне не знает наверняка, сколько ему отмерено часов, минут или даже секунд в жизни.

Пока Шубин умывался и приводил себя в порядок, перед тем как явиться пред ясные очи

гвардии полковника Соколовского, вокруг него и Котина собрались разведчики. Слух о том, что капитана Шубина собираются забирать от них, быстро разлетелся по отряду. Проводить его пришли не только те, кто успел познакомиться с Глебом и даже побыть под его командованием на время выполнения задания, но и те, кто его совсем не знал. Пришли не из любопытства, а из солдатской братской солидарности. Почему бы не проводить хорошего человека. Кто знает, получится ли им всем еще раз увидеться на этом свете или суждено встретиться уже на том. Да и есть ли он еще, тот самый другой свет, кто знает?

Шубин, хотя и приходилось ему часто за эти годы менять части и командиров, прощаться с боевыми товарищами, с которыми его сводили фронтовые дороги, не любил, да и не умел. Да, в общем-то, и не хотел. Не видел он смысла в таких прощаниях. Такие минуты для него всегда были тягостными и неловкими. Он искренне не понимал, для чего вообще нужно прощаться. Это было так, словно его хоронили заживо. Или он сам хоронил всех, с кем прощался. Одно дело, когда убьют или ранят твоего боевого товарища: тогда все понятно — знаешь, что тот либо не станет с тобой больше плечом к плечу в атаке, либо вернется в строй. А даже если не вернется и его спишут после ранения в тыл, то все одно знаешь, что он будет жить и думать о тех, кто остался

в строю. А когда уходишь в другую часть, то какой смысл в таком прощании? Сегодня ты жив, а завтра? И кто из тех, что сейчас стоит возле Шубина, останется жив до конца войны? Может ведь так случиться, что Глеб об этом так никогда и не узнает. Да и доживет ли он сам до победного конца?

Вопросы, вопросы, вопросы... Одни только вопросы без ответов. Война — вот единственный ответ на все заданные и незаданные вопросы.

В штабной землянке кроме самого гвардии полковника Соколовского и его адъютанта всегда толкалось много народу. Толкались и по надобности, и без нее. Радистки и заместители не в счет, им положено было находиться близ командира. А остальные, можно сказать, были мимо проходящие или приходящие по мере необходимости.

На этот раз не только комната связи, но и сама небольшая комната-кабинет командующего конно-механизированной группой была забита народом так, что невозможно было повернуться. Из тех, кого знал Шубин, в комнатке были радист Микола Яценюк, капитан Тарасов — сотрудник Смерша при штабе группы — и особист Рыжов. Были еще два незнакомых Шубину военных. Один — невысокий, молодой и шуплый, судя по форме и шлему на голове, танкист, стоял он к Глебу спиной. Напротив Соколовского стоял среднего роста коренастый офицер. Его звание Глеб сразу не рассмотрел (в комнате царил полумрак),

но, судя по неиспачканной форме, кто-то повыше капитана. На войне оно как? Чем аккуратнее на тебе одежда, тем ты выше по званию и значимее по должности. Почему так — объяснять, думается, надобности нет.

— А, Шубин! Входи, входи, — обрадовался ему Соколовский и махнул рукой. — Давай, пробирайся ко мне поближе, буду тебя с твоим новым начальством знакомить.

При этих словах офицер повернулся к Шубину, и Глеб увидел, что тот был довольно симпатичным тридцати пяти или тридцати семи лет мужчиной с волевым подбородком и серьезным, даже несколько суровым взглядом не то серых, не то светло-карих глаз. В сумраке Шубин так и не разобрал, какого они были цвета. Да и какая разница — голубоглазым он был или, скажем, сероглазым? Просто у Шубина была укоренившаяся привычка — составлять предельно точный фото-портрет всех, с кем сводили его фронтовые дороги. Своих ли, чужих — без разницы.

— Полковник Слюсаренко, — представил незнакомого командира Соколовский. — Командир 56-й танковой бригады и твой новый командир, — добавил он.

Представленный Шубину полковник с некоторым интересом посмотрел прямо в глаза Шубину и протянул руку.

— Капитан Шубин, — представился Глеб, пожимая крепкую, широкую и чуть потную ладонь полковника.

— Несмотря на начало наступления, решил приехать за вами, капитан, лично, — сказал Слюсаренко. — Много слышал о вас, и не только от Петра Вениаминовича. Рад, что вы будете служить именно у меня. Вы когда-нибудь ездили в танке?

— Нет, не приходилось, — чуть смутился Шубин от пристального взгляда нового командира. — Разве что пару раз прокатился, сидя сверху на башне.

— Ничего, у нас и внутри машины побываете. И не раз, — добавил Слюсаренко, добродушно усмехнувшись. — Ну что, Петр Вениаминович, — он снова повернулся к Соколовскому и протянул тому руку, — мы поехали. Приказы командования я вам передал... Капитан, вы готовы? — обратился он взор снова на Шубина.

— Так точно, готов, — ответил Глеб.

— Пять минут на прощание. Мы ждем вас в машине... Пойдем, Шура, — обратился он к танкисту, что стоял чуть позади Шубина, и шагнул вперед.

Шагнул уверенно, словно это не человек был, а танк. И все расступились перед ним. Глеб невольно повернул голову и мельком увидел круглое веснушчатое-курносое лицо сопровождающего полковника молодого танкиста.

— Ты мне, Захар Карпович, его береги! — громко сказал вслед Слюсаренко Соколовский. — Кровь из носу, но чтобы этот капитан до нашей победы дожил!

— Это уж как Бог на душу положит, — остановившись и оглянувшись, рассмеялся Слюсаренко. — Все под ним ходим, Петро.

И он снова пошел дальше, теперь уже не останавливаясь и не оглядываясь.

— Мало ли под кем мы ходим или ходили, — проворчал Соколовский. — Под царем вот тоже ходили, а ничего, выжили... Ну, Шубин, — положил он свои большие руки на плечи Глебу, — жалко мне тебя отдавать танкистам. Но ничего не поделаешь — приказ. Значит, у командования на тебя другие планы.

Он долго смотрел на Шубина и молчал, и Глеб вдруг почувствовал неловкость перед этим молчаливым взглядом. Он знал, что нужно что-то сказать на прощание. Что-то хорошее, теплое и душевное и, может быть, значащее. Но он не знал что сказать и как это сказать. Иногда чувства просто невозможно передать словами. Поэтому он просто протянул руку. Соколовский быстро и крепко пожал ее.

— Ладно, иди уже, — махнул он рукой в сторону выхода. — Вот, Микола тебя проводит.

Он отвернулся и сделал шаг в сторону сидевшего за столом особиста Рыжова.

Глеб тоже не стал медлить, а, развернувшись, направился к выходу. В дверях его уже ждал Микола Яценюк.

— Вот, — протянул он Шубину какой-то сверток и, когда Глеб, хотя и немного удивленный, взял его, сказал: — Це сало и окраець домашнього хлиба. Бильше ничего вам даты, товарищ капитан.

— Спасибо, Микола, — Глеб в порыве благодарности к этому удивительному украинцу обнял его.

Микола отвернулся, но Шубин успел заметить, как в уголке его глаза затрепетала прозрачная влага.

— Ничого, все буде хорошо, — наполовину по-русски, наполовину по-украински ответил на его объятия Микола. — Мы з вами, товарищ капитан, ще побачымося. Не на цьому, так на том свите. Айдаты, я вас до машины хочу проводыты.

Они вышли из штабной землянки и молча направились к машине, в которой приехал полковник Слюсаренко. С кем и было жалко сейчас расставаться Шубину, так это с Миколой Яценюком, которого он знал чуть ли не с самого начала войны. Но фронтовые дороги непредсказуемы. Они сначала развели их в разные стороны в сорок втором году, когда Шубин и Микола выходили из окружения, а затем, в самом начале июля сорок четвертого, в момент, когда